

Александр Барвинок

О вещах и струнах

Русское эхо

2022

ББК 84 (2 Рос=Рус) 6
Б 24

Барвинок А.А.

Б 24 О вещах и струнах: Стихи. — Самара: Самарская областная писательская организация, 2022. — 64 с.

ISBN 978-5-

Очередную книгу самарского автора Александра Барвинка составили стихотворения, написанные за последние несколько лет.

Осеннее

Дуб неохотно сбрасывает листву,
То, что вчера ещё было зелёным,
Уйдёт в перегной.
Кажется, это не может быть наяву,
Старый садовник сгорбился над травой.
Время наложит на дерево новый грим,
Не признаёт природа частичных мер.
И от живых так хочется неживым
Что-то сказать, только слово — плохой пример.
Листья, что не упали, ещё повисят,
Переживут на десять — пятнадцать дней.
Старый садовник не смог уберечь свой сад,
Только от этого как-то ещё больней.

ISBN 978-5-

© Барвинок А.А., 2022
© Самарская областная
писательская организация, 2022

О вещах и струнах

О чём кричат магические руны,
Не в силах достучаться до людей?
Когда на сцене лопаются струны,
То знает Паганини — быть беде.
Граница времени и мира очень зыбка,
Становится материальным миг.
Вот стала фотографией улыбка,
Вот на аллее памятник возник.
С непостижимо правильным размахом
Становятся вещами времена,
И всё, что отделяет нас от праха,
Последняя звучащая струна.

Лодка

Что за лодка стоит на пустом берегу?
Волны вдаль отошли и её берегут.
И сухой, и холодный песок под кормой
Охраняет её неподвижный покой.
А ведь здорово было влюблённых людей
Под застывшим мостом провозить по воде.
И в изгибах таких же застывших проток
Находить неоткрытой земли уголок.
По намеченным галсам крутился штурвал,
Тёплый август созревшие звёзды бросал.
И мотор, распаяясь, кричал на бегу...
Жаль, что кто-то остался на том берегу.

В мире животных

Быстрый гепард заявляет свои права,
Жизнь антилопы стянулась в один маршрут.
Если бежать навстречу лежащим львам,
Можно ещё немножечко протянуть.

Слева засада, справа шакалий вой.
Что за абсурд, наваждение, чья-то блажь?
Вниз с пирамиды катятся пищевой
Под ноги тем, кто охоты поймал кураж.

Смысл эволюции — чем-то набить живот,
Выбрать добычу по статусу и зубам.
И антилопа делает поворот,
Чтобы не выйти к застывшим в засаде львам.

О правах и котях

Дитрих имеет право на этот стул.
Все уступали, никто никогда не бранил.
Марта приходит засветло, взяв отгул.
Чёрное платье несколько её не полнит.
Марта имеет право на этот шкаф,
В нём её свитер, кофточка и пиджак.
Марта всегда считала, что больше прав
Предоставляют вещи, что здесь лежат.
Марта погладит Дитриха за ушком,
Марта имеет право на этот акт.
Это сегодня даже и хорошо
То, что она появилась лет пять назад.
На фотографии Кельвин смеётся им,
Трудно не проявлять свой весёлый нрав.
Старый нотариус должен прийти к семи...
Кельвин уже ни на что не имеет прав.

Кружение

Мы будем с тобой, словно ястребы, долго кружиться,
Свой свод разрезая на тысячу острых углов,
А то, что летит под откос,
Не успело стать жизнью,
А стало страницей из повести вырванных слов.
Когда же пойдет загулявшее солнце к закату,
Собой освещая утихшую водную гладь,
Мы вспомним о том, о чём вместе мечтали когда-то,
И эта мечта нам давала способность летать.

Богатырь

Бел и Рыж несутся кони,
Превращая мир в пустырь.
У надтреснутой иконы
Горько плачет богатырь.
Вышел из избы на солнце,
А вокруг такой бардак!
Надо бы со злом бороться,
Только он не знает как.
Рухнул мир спокойный прежний,
В сердце ярость, боль и стыд,
И угасшая надежда,
Что, мол, Господи простит.

Цветочек

Ах вы, сани, мои тройки, сизый голубочек,
На окошке в новостройке захирел цветочек.
Что же было? Мало света в тех квадратных метрах?
Побросали листья ветки будто бы от ветра.
То ли за стекло проникла зимняя прохлада,
То ли много поливали все кому не надо?
Он молчит и горько плачет, что его так губит?
Слишком много незадачи у цветочных судеб.

Мафусаил

Лава, кипящая тысячи лет,
Отходит от берегов.
Дерево тянет ветви на свет,
Дерево — это любовь.
И на одной из многих планет,
Слитых из тверди и вод,
Мир принимает зелёный цвет,
Дерево в нем растёт.
Жизнь — это просто дыхание крон,
Каждый росток вновь.
Дерево свой обживает склон,
Дерево — это любовь.
Тысячелетним забылся сном,
Сгорблен и недвижим
Ствол, не под этим ли самым стволом
Наша проснулась жизнь?

Люди-бутерброды

По мотивам Рильке

Иду, несу свою рекламу
На шее и спине.
Иду вперёд, дорога к храму
Открылась мне.
А там, в скоплении народа,
Рекламный щит:
«Молитесь, люди-бутерброды,
Ваш жалок вид!
Уродливы гримасы ваши,
И цели нет.
Вы все — отброшенная масса
Чужих побед».
Вот в храм вползают на коленях,
Глазами в пол,
И нет в них страха или лени,
А только боль.
Священник монотонно, ровно
Вершит обряд.
И витражи в своих коронах
Огонь хранят.
И музыка, бальзам от грусти
И прочих бед.

Она — великое искусство и жизни свет,
Врачует скошенные формы
И правит стать.
Они уже в пределах нормы
И могут встать.
И тот, кто носит кучу хлама
В своей груди,
Возьми упавшую рекламу,
Встань и иди.

Прогулка

Мы гуляли с тобой...
Как назвать
Много сосен, посаженных в ряд?
И когда объявили отбой,
Мы гуляли с тобой...
 в шишкопад.
Что-то ветер свистит невпопад,
Фонари замыкают конвой,
И в нелепый такой шишкопад
Мы гуляем по парку с тобой.
Промахнувшись с прицельной стрельбой,
Попадая в свой шишечный ад,
Они грустно хрустят под ногой,
Словно тоже о нас говорят.
Сверху сосны подёрнуты мглой,
Месяц меряет новый наряд,
И какой-то есть замысел свой
Отшагать все дороги подряд.
Это сверху нам посланный знак?
Или просто под мерный «плих-плих»
Неохотно мы делаем шаг...
И уходим от шишек своих.

* * *

Прощай, это слово полярных границ
И комнатного тепла,
Прощай, это песня уставших птиц
И сломанного весла.
Как будто бы неудержанный взгляд
Уходит за горизонт.
А кости, предвидя дожди, болят
На старый висящий зонт.
И мячик с горки бежит к реке
Под детский отчаянья крик,
И звёзды, сторевшие вдалеке,
Свой свет показали на миг.

Дыхание Луны

Тьма не даёт дышать не мне,
Я обойдусь, я перебьюсь,
Тьма не даёт дышать Луне,
Вот за неё-то и боюсь.
Пусть воздух нужен лишь во сне,
Пусть утром от него давлюсь,
Но то, что не вздохнуть Луне,
Вот это вызывает грусть!
В молящей позе ноутбук,
Пишу: собака, точка, Бог...
Давай спасём волшебный круг,
Давай ему облегчим вдох.
Но сверху нет ответа мне,
И в миллиардах всех планет
Никто не вспомнит о Луне,
Ну, разве только Интернет.

Болезни Крыма

Горы и море, прекрасные виды
С каждого божьего места.
Чем там болеет наша Таврида,
Крепостью Генуэзской?
Жернов скрипит, ему вторят телеги,
С неба не свалится манны.
Россыпью-сыпью прервали набег
И поселились османы.
Ружья в порядке, начищен Георгий,
Кто там ещё на повестке?
Бравый солдат далеко не отходит,
встанет за занавеской.
Горы и море, свеча кипариса,
Ласковый запах акаций.
Не до болезней, и не до сюрпризов,
Не до цивилизаций.

* * *

В соседних комнатах так грустно,
Одна беда который год.
Куда ни глянь, кругом искусство
В любых словах, делах и чувствах,
И мастера наперечет.
Так привыкаешь к третьим лицам,
Все меньше веришь, что неправ.
Жизнь примеряет форму блица
И требует делить круплицу,
Не обманув, не навязав.
Когда земля вокруг стареет
И тает льдиной на реке,
Подайте мне рычаг, идею,
Перевернуть, сдержать, скорее,
Пока есть практика в руке.

Поход

Собираю рюкзак и снова
Говорю Безымянке: «Пока».
Мне на счастье свернулась в подкову
Уходящая в лето река.

Здесь в маршруте её кругосветки,
На просторе лесов и полей,
Расставляла история метки
По периметру Жигулей.

Дым костра над полянкой завился,
И, конечно, я этому рад,
Что на белый свет здесь появился,
Где такой небывалый закат.

Убегает вода от края,
Не войти в неё, не вернуть,
И опять рюкзак собираю,
Чтобы в новый отправиться путь.

Что там будет и что здесь было?
Но превратностям вопреки
Проникает мне в душу сила
Нашей русской великой реки.

Живое сердце

Мы стоим в огне наполовину,
Ловим воздух непослушным ртом.
Наши крылья сделаны из глины,
Только мы не ведаем о том.
Наши руки сделаны из стали,
Только мы не чувствуем пока.
Впереди огромными пластами
Растянулись в небе облака.
Настоящее живое сердце бьётся,
Ударяясь о грудную клетку,
Только верить нам и остаётся,
Что оно сумеет улететь.

Пиши

А.В. Громову

Ты пиши, продолжай, не смотря ни на что,
На учёбу не там, на ученье не то,
На беспечных друзей — дворовую шпану,
На вошедшую в душу чужую войну.

Если Богом задумано так, чтобы ты
Избежать таким образом смог немоты,
Он с чернильным пером протянул к тебе длань,
Может, это как раз называют талант?

Может эти сюжеты о зле и добре —
Твоё главное дело на этой земле?
И в свои пятьдесят собирай урожай,
И пиши, продолжай, продолжай, продолжай.

Наш подъезд

В подъезде к крашеным полам прилипли перья,
Поймала кошка воробья,
И вечер весь за приоткрытой дверью
Ждал я.

Спустилась вниз большая стрелка
Настенных кухонных часов,
А в парикмахерской — ручная белка
Бежит, вращая колесо.

В кулинарию посылала
За тестом мать,
Но замесили очень мало—
«Не занимать».

На лавочках сидят старушки
И детвора.
И, кажется, что мир был лучше
Ещё вчера.

* * *

На рубеже столетия
Хочется долголетия,
Очень хочется выяснить, кто же там в сердце живёт?
Какие ещё отметины
Нам нарисует плеть его?
А на часах полтретьего —
Две тысячи семнадцатый год.
Время многоэтажное,
Место найдётся каждому,
Лишь бы оно исполнилось, можно и напролом.
Тлеют фигурки бумажные,
Веря, что самое важное,
Самое-самое главное будет за тем костром.

Новый Свет

Домареву

Уходит, усилия сходят на нет,
И шансы равны нулю.
Уходит, по-видимому, Старый Свет
Не нужен его кораблю.
Ни горы золота, ни долгий пир,
Ни усталая кровать...
Он просто хочет открыть новый мир
И больше не может ждать.
Уставший цингу и душу лечить,
Причалит он между скал,
Но новый берег не отличим
От тех, что он покидал.
А где-то лагуна, белый песок
И чайка на синей волне,
И он уже не так одинок,
Как раньше казалось мне.

Детское

Так светло и тихо по утрам,
У кормушки прыгают синички,
У меня пришиты к рукавам
Связанные мамой рукавички.
Беззаботность, света, покой
Каждому, наверное, знакомы.
Пусть подольше не кричит: «Домой!»
Голос мамы с нашего балкона.
И сейчас охота погулять,
Только кажется, что звонко и упрямо,
И, конечно, неожиданно опять,
Позовёт обратно голос мамы.

Лёд

Он трещит, он растёт,
Он не хочет быть тонкой плёнкой.
Застилает поверхность лёд,
И откуда берет силёнки?
Вроде, только была глубина
Перед нами на месте этом,
А теперь она не видна,
И опаздывают рассветы.
Не лукавь, не спеши возражать,
Лёд не повод для нашей разлуки,
Лучше дай мне сейчас подышать
На твои озябшие руки.

И было слово

По мотиву Барбары Гест

И было слово. И оно росло,
Как дикий куст, увенчанный шипами.
Но провиденье — тоже ремесло,
И робкими несмелыми шагами
То деревом становится оно,
То твёрдыми могучими стенами.
И стены эти встали между нами,
Вокруг нас встали, превратились в дом.
И вся планета разрослась домами,
Как будто под стеклянным колпаком.
Внутри у каждого слова — «отец» и «мама».
И слово «стол», и слово «колыбель»,
И слово «свет», и слово «страсть», и «драма»,
И слово «жизнь», как мёд, как карамель,
Смакуется солёными губами,
Познавшими и мудрость, и войну...
И сила наших рук рождает пламя,
Галактик обжигая целину.
И слово смотрит новыми глазами
На арендованный у вечности простор,
И старые слова уходят сами,
Ему освобождая разговор.

Корабли

К. К.

Вдали от родной и любимой земли,
Да что там родной?! — обитаемой суши,
Навстречу друг другу неслись корабли,
Торопятся в рай одинокие души.

И, верно, они уже рыскали тут,
Искали свои маяки и причалы.
Но штурманы толком не знали маршрут,
И места для высадки не замечали.

Их все принимали за вестников бед.
Среди капитанов считалось разумным,
Лишь только вдали разглядят силуэт,
Быстрее своё разворачивать судно.

И так, покрываясь ракушкой и мхом,
Они постоянно блуждали по кругу.
Когда одиночество стало грехом,
Случайно вдруг вышли навстречу друг другу.

Похожие, словно два колоса ржи,
Резная Надежда парит над бушпритом,
Но каждый подумал: встречать миражи
Явление частое в море открытом...

Ты пишешь, что в новой квартире балкон
Выходит как раз на морскую ривьеру.
Мечтаешь опять разглядеть галеон?
И это получится, я в тебя верю.

Катастрофа

Накрывает город волной,
Этот город не твой и не мой.
Нам не плакать и не страдать,
Это просто картина.
Но сейчас он почти живой,
Безоружный перед бедой,
И, наверное, чья-то мать
Будет больше молиться за сына.
Чтобы мог я об этом сказать,
Дал художник свои глаза,
Убедитесь, мол, сами.
И в пространстве, где нет таких бед,
Я ищу той волны силуэт,
Вдруг возникнет над нами.

Костёр

Сегодня праздник, народ ликует,
Король надменен, но тоже рад.
Костёр уложен, и в ночь глухую
Заметен будет из всех палат.
Гостям отдельный помост настелен,
Сосед, хоть недруг, но тоже зван.
Сегодня будут жечь менестреля
За то, что, шельма, был графоман.
Смолой горячей намажут палки
И будут к крикам его глухи,
А мне, вот честно, немного жалко,
Я сам порою пишу стихи.
Прогресс в культуре расставил точки,
А ведь казалось, ещё вчера...
О, как ценили любую строчку
Те, кто собрался на свет костра.

Старик

А старик на окне зажигает свечу.
У него, как у всех, электрический свет.
У него все платёжки, талоны к врачу,
И для транспорта есть пенсионный билет.
Он к магнитным привык на подъездах ключам,
И вполне современно прилично одет.
Но зачем же ему восковая свеча?
У него, как у всех, электрический свет.

Восковые слезинки сплетутся в комок,
Он начнет говорить непонятно кому:
«А когда ты отсюда забрать меня б смог?
Много света от лампочек мне одному».
В доме гасятся окна окрестных квартир,
Постепенно соседи отходят ко сну.
Смотрит он на пылающий свой ориентир,
И огонь от свечи отвечает ему.

Карась

Вроде кризис по России идёт,
Костяной стучит ногою своей,
А на озере карась не берёт!
Это худшая из всех новостей.
Вертит гайки разномастная власть,
Оппозиция не дремлет, и вот
Снова рубль обещает упасть,
Но на озере карась не берёт!
Вон войны холодной призрак кружит,
И от санкций уже сводит живот,
Я ума не приложу, как тут быть,
Ведь на озере карась не берёт!
Не привыкший жить скуля и прося,
Наш мужик бывает редко речист,
И пока не отберут карася,
Не поднимется с нагретой печи.

Коршун над монастырским двором

Душу от бед сохранит серебро,
Так уж придумано нами.
Коршун
 над монастырским двором
Кружит над куполами.
Что же ты, Господи, так ли ты рад?
Столько незрячих повсюду.
В храме Советы устроили склад
В помощь голодному люду.
Жгут алтари, разбивают кресты,
Верят в безбожные речи.
Только монахи знают, что ты
Встретишь их, Господи, встретишь.
Время прошло, поминают добром,
Нужен ты, Господи, нужен.
Только над монастырским двором
Коршун все кружит и кружит.
Убережет серебро от беды,
Нет ни обиды, ни страха.
Только вот встретишь ли, Господи, Ты?
Больше не знают монахи.

Ошибки

Ты придёшь, мы выпьем горькую без тоста,
Я тебе пожелаю: «Жизнь пуста,
Никакого просвета в ней, и потерялся смысл».
Ты обычно болтливый, но будешь сидеть молчать,
Ты не веришь, ты смотришь, горит свеча,
И закат уже золотит причал
И торопит мысли.
Или просто я тороплю слова,
То ли мне положено не успевать,
То ли просто боюсь, все зыбко.
Новый день нам выстроит миражи,
Дескать, действуй, радуйся, соверши.
Ну а сам-то, помнишь, когда ещё ты был жив,
Все ошибки?

Эффект отсутствия

И лайнер пусть не от усталости
Курс на снижение берёт,
И от разлуки нам останется
Один транзитный перелёт.
Но бесконечность расстояния,
Где протянулась наша нить,
В такое вводит состояние,
Что хочется тихонько выть.
И докопаешься до сути сам
На первый из разлучных дней,
Что может быть «эффект отсутствия»
«Эффекта близости» сильней.
А жизнь — катушка с кинолентой,
Что рвется в середине, но
Нам крутится одновременно
Такое разное кино,
Где все заботы и страдания
Сплелись в сплошную круговерть,
Себе придумать расстояния
И их потом преодолеть.

Спокойной ночи

Спокойной ночи, уже темно,
Нас покидают дневные силы,
И закатилось уже давно
За берег сонной реки светило.
Такое время, течёт река,
Туман прибрежный сплетает кокон,
А мы с тобою не спим пока
И смотрим грустно в пространство окон,
Где от болезней и от обид
Весенний вечер всегда короче,
Но так приятно он говорит.
И ты услышишь: «Спокойной ночи».

Валентинка

Февралень обуял, обездвигил, окутал
И заботливо под ноги шлёт гололёд.
День чуть-чуть просыпается раньше как будто,
Что-то вызреет, выстрелит, произойдёт.
По гусиной тропе семенящим конвоем
Мы торопимся, чтобы тропа привела
В те дома, где в итоге останутся двое,
Для которых февраль не имеет числа.
И в оконных эскизах седой февралени,
И в метелях, стирающих город с лица,
Им мерещатся майские ветки сирени,
И они посылают друг другу сердца.
Я тебе нарисую его на картонке,
Чтобы ты осторожно его понесла.
Пусть все видят и знают, что это девчонка,
Для которой февраль не имеет числа.

Снежные слёзы

Снег — это слёзы, девочка, ты не плачь.
Этой дороги не разглядеть в метель.
И вереница сторбленных неудач
Ходит, найти пытаюсь себе постель.
Норма осадков, нужных для этого дня,
Где-то записана, и в уходящий год
Не изменить ничего, ни тебя, ни меня,
Даже того, что сейчас этот снег идёт.
Но почему-то я верю в другой сюжет,
А потому и прошу: перестань, не плачь.
Снег — это слёзы, веришь ты или нет.
Переиначь его, девочка, переиначь.

Белая ворона

школе «Белая ворона»

У мелкой вороны дела-макаронины
Все тянутся, тянутся длинной лапшой,
Но сколько б их ни было, как их не прибыло,
Она обязательно будет большой.
У смелой вороны суровы законы.
Попробуй, нарушь, скажут — нехорошо!
Но как бы ни ставила жизнь строгие правила,
Она обязательно будет большой.
У белой вороны прыжки и наклоны,
И где-то испачкалась, но не беда.
Ведь серой обычной и чёрной привычной
Не станет ворона у нас никогда!

В деревне

Снег летит прошлогодний немножко,
Добавляет природе седин,
За окошком соседская кошка
Протоптала к сараю следы.
Гул боёв суеты новогодней
Вдруг оставил родное село,
И сегодня, должно быть, второе,
Или первое только число?
И который сейчас день недели?
То ли пятница, то ли среда.
Неужели и вправду на деле
Есть на этой земле города?

Мегаполис

Мегаполис,
город в больших огнях,
он сегодня болен,
почти как я.
Завязал вокзалы
на карантин,
закрывает порты
и без причин
отменяет каждый
отлётный рейс.
Словно что-то хочет
оставить здесь,
Где ночами,
выйдя за свой порог,
Ностальгия бродит среди дорог,
переулков,
улиц и площадей,
Остаётся в отеле среди друзей.
Я пытаюсь снова,
опять...
увы,
Разглядеть у Волги туман Москвы.

И навстречу
медленной «Ностальжи»
Снег спешит
раскрашивать
нашу жизнь.

Дирижёр

Тысяча псевдомикромгновений
Где этот гений, который устал играть?
Без дирижёра будет несовершенной
Та увертюра, где живы отец и мать.
Все же известно, ясно, как будет лучше.
Скачет по синим лужам зелёный мяч,
Но раздаётся всё глуше и снова глуше:
«Только к себе, пожалуйста, не прижимать».
Двор без скамеек, крохотные балконы,
А посмотреть, так кажется до сих пор:
Выйдет, сдвинув простыни и панталоны,
И запрокинет руки свои дирижёр.
Всё заиграет сразу же по-другому,
А что до этого... было же просто враньё.
Но почему-то пусто. Глухому дому
Нравится больше, как новое сохнет бельё.

* * *

Пишет мало — четырнадцать дней в году,
И ему до войны, которую я веду,
Нет почти никакого дела.
То друзья, то коллеги, о том ли речь,
Да хотя бы печень хотел сберечь,
А то выключают, раз такой смелый.
Хорошо, что женская есть рука,
Видно, правда, этого дурака
Любит, кажется, безнадёжно.
И вдвоём худо-бедно, мы кое-как
Не даём навешивать всех собак,
И себя ощущать порожним.
Я-то верю, он ещё совершит,
Сможет всё, что ты ему предрешил,
И не будет больше перечить.
Отпусти меня, рано бывает мне здесь.
У меня ещё, видишь сам, дело есть,
Отпусти, а то путь далече.

За пределами

Жизнь за пределами этой вселенной
Не понимаема здесь и не в тему.
Алгоритмичный язык переменных
Резко сужает возможность обмена.
Путь объяснений без знаков и лоций,
Через пороги, рифы и отмель.
И ничего тебе не остаётся,
Как отражаться в распахнутых окнах,
Как приходить с предрассветным туманом,
Переплетаться с чашкою кофе
Где-то в метро мимолётным обманом
И торопить бесконечные строфы.
Этого мало тебе, приходящей
В беглых звонках, в смс-сообщениях,
Прошлого делать из ненастоящего.
Дорого стоят такие умения.

На мансарде

Выше этой мансарды был только рай.
Свежий чай на скатерти в кружевах.
Кот уверенно заявлял о своих правах,
На колени прыгая: на, ласкай!
И порой совсем не включали свет,
Потому что тесно, когда впотьмах,
И не хочется весь разглядеть сюжет,
Просто плечи и руки на тех плечах.
А когда, спускаясь оттуда вниз,
Нет, совсем не боязно и не лень,
Ночью тушью пишется тот эскиз,
На который красками ляжет день.
Тишину разменивал метроном,
Упираясь маятником в Новый год.
Если жизнь рождается за окном,
Непреренно — чайник, ночник и кот.
Я бегу глазами до крыши вверх,
Вдруг там все неизменно и чайник ждёт.
И специально свет за окном померк.
Это знак... кто-то мне подаёт.

Весенняя песня

— Давай, просыпайся, уедем, уедем,
Не будем по снегу тужить.
Уже все проснулись: ежи и медведи,
И кружат по небу стрижи.
— Да что говоришь ты, какие медведи?
Какие стрижи и ежи?
— Тогда просто так на край света уедем
И там проживём свою жизнь.
Свежо и контрастно весеннее утро
И может любому помочь,
И звери, они поступают так мудро,
Что зиму проводят, как ночь.
— Но мы же не звери, не птицы, которым
Так нужен весной перелёт.
Мы счастье своё растащили по норам,
И там оно есть круглый год.
А кто не сумел удержать своё счастье,
Теперь уж лети не лети...
Давай-ка не будем мечтать понапрасну,
Пора на работу идти.

Водопад

Только бы повезло, ещё раз повезло,
Только б снова была благосклонна судьба,
И в критический миг не сломалось весло,
Не разбилась доска, не погнулась скоба.
Жаль, вокруг не меняет река свой пейзаж,
Лучше, если спираль, лучше замкнутый круг.
Эх бы, кто бы помог, всё на свете отдашь,
Но, увы, никого на сто миль вокруг.
Я на месте стою или кажется мне?
Но чуть только сильнее начинаешь грести,
Столько ярости сразу в бегущей волне,
Что навстречу моей плоскодонке летит.
Хочет лодку течение отбросить назад,
Где река образует крутой поворот
И потом превращает свой бег в водопад...
А на небе, прервав бесконечный полет,
Надо мною два долгих крыла распластав...
И когда я своё заклинаю весло,
У стервятника в небе другая мечта,
И лишь время покажет, кому повезло.

СНЫ

Сегодня ранних звёзд на редкость мало,
Попрятались от матушки Луны,
Над матовой поверхностью канала
Раскрыто покрывало тишины.
В пустые городские переулки
Приходит незаметно время снов.
У снов по расписанию прогулка,
И так всегда из глубины веков.
Им даже ночь благоволит как будто,
Вычёркивая огоньки квартир,
И каждой упоённые минутой
Они спешат заполнить этот мир.
Пылают страстью или вспоминают,
Влюбляются и побеждают зло,
Они друг другу встречи назначают,
Пока ещё совсем не рассвело...
Им нет границ, и времени им нету,
Любую сказку превращают в быль,
И, покидая грешную планету,
Межзвёздную рассеивают пыль.
Но здесь, на старой набережной, в сквере,
Под яблоней, которая цветёт,
Мальчишка, что во сны уже не верит,
На лавочке сидит, чего-то ждёт.

Не удержать границ, и луч пробьётся,
И заблестит, и зажурчит вода.
А он-то всё равно, когда проснётся,
Все так же молча поспешит сюда.

Построивший дом

Он выстроит дом, он когда-нибудь выстроит дом,
В нём будет светло и не будет ни ливня, ни стужи.
В нём можно подолгу просиживать перед окном
И думать о том, как же холодно было снаружи.
И думать о том, как же прячется весь этот мир,
Легко уместаясь в отдельном окне одной комнаты?
А из параллельных домов и соседних квартир —
Чужие миры не изучены и не поняты.
И вот бы зайти, посмотреть, где там теплится жизнь?
Посмотреть — и не переставать удивляться,
Но надо успеть свои толстые стены сложить,
А то ведь легко в этом чьём-то окне и остаться.
Бродить и кричать тем, что спрятались там
за стеклом:
— Возьмите к себе, я такой же, как вы, я вам нужен.
Но жизнь в лабиринте не видит построивший дом,
И верит, что там за окном — дождь и стужа.

И наступит день

Идешь, закат, рассвет и берега.
Ни дня, ни рек уже не замечаешь,
И кажется, что маятник качает
Какая-то враждебная рука.
Что мир, в котором ты был сотворён,
Тебя не хочет признавать частицей,
И облаками жалости клубится
Случайно занятый тобою окаём.
Где нет покоя, счастья, тишины,
Удачи, уважения и прока,
А та рука, что кажется жестокой,
Легко проникнуть может даже в сны.
Варить ли кофе? Побеждает лень.
Ну, что ещё бродяге остаётся?
Не разбуди ЕЁ, она проснётся,
И вот тогда и наступает день.

Пишутся стихи

Бухта —
 я ловлю это слово,
Там корабль
 и шум моря,
Там матросы готовы
Опускать в воду шляпку.
Лейтенант с ними спорит
И волнуется жутко.
Но от берега моря
Больше слов я не слышу.
Этот город прощальный
Называется Китеж.
Он умолкнет сегодня,
Спрятан водами Леты,
У мальчишки на откуп
Не хватило монеты...
Но проходит и это,
И безмолвие снова.
Видно, были сюжеты
Для поэта другого.
С неба падает слово,
Строчки пишутся сами,
Сможешь больше запомнить.
Это станет стихами.

На берегу

В этом море бескрайнем я берег не вижу
И плыву, понимая вдруг тайну одну:
Ты бесстрашна и тянешь меня в глубину,
Я тебя зазываю к поверхности ближе.

Ты же выбьешься, станешь русалкой шальной,
Я боюсь, не могу изменить свою суть.
К этой суше привязанный нитью стальной,
День за днём я годами прокладывал путь.

Где-то там есть прекрасный потерянный рай,
В нём не знают, как можно прожить без любви.
Край земли — это моря изрезанный край,
Надоело рассчитывать силы свои.

Я остатки мечты для себя сберегу,
А вокруг, как назло, ни ветров, ни преград.
Мы устало сидим на его берегу
И жалеем о том, что вернулись назад.

О стеклянной посуде

Что тебе рассказать о стеклянной посуде?
Очередь неторопливая, как тюлень,
Но если будильник пораньше тебя разбудит,
То можно успеть до обеда в воскресный день.
Бабушка их уложила в большие авоськи,
Все перемытые, по дорогой цене.
И у нас с братом сегодня счастливые моськи,
Мы так мечтали об этом рабочем дне.
Как хорошо! По рублю нам сегодня достанется,
Восьмидесятые только вступили в рассвет,
И сам себе богачом-миллионщиком кажется
Мальчик, имеющий рубль в одиннадцать лет!
Пункт стеклотары, ну, что там, всем мёдом намазано?
Нет бы быстрее, а им всё вести разговор.
Соцреализм, до конца не зажитою язвою
Он иногда беспокоит меня до сих пор.
Там перемешаны краски и запахи разные,
Там поминалась не ласково родина-мать,
Там мы умели настолько безудержно праздновать,
Что было радостно после бутылки сдавать.
Вроде всё гладко, и в общем-то не на обочине,
Все улыбаемся, если спросить, как дела.
Но я бы встал в ту ужасную длинную очередь,
Если бы бабушка снова меня позвала.

Твоя книга

В книге, которую ты напишешь, сейчас зима.
Нет, не морозы, а просто холодно лицам.
Ты отвечаешь коротко: «я сама».
И растворяешь меня на её страницах.
Ты наметаешь ласково новый снег,
Как он мерцает, твоими блестя словами,
Разных героев тысячу человек
Ты размещаешь бережно между нами.
Каждому дашь немного своей судьбы,
Каждый идёт к теплу, вопреки сюжету.
А тот дымок, что из нашей ушёл трубы,
С этой страницы в прошлое тянется лето.
Всё переписется, нет никакой беды,
Снега уже насеяно добрую лигу.
Где-то под ним затерялись мои следы,
Не отвлекайся, пока не закончишь книгу.

Высшая мера

Вот тебе и орёл, и гора, и попробуй тронь,
Искры будут такими, что не отвертеться.
Самое время сейчас добывать огонь,
Не остывай, я кладу на твою ладонь
Часть своего не сгоревшего за ночь сердца.
В зарево осени вечной, как солнца лик,
Мы погружаемся медленно каждый миг.
Знаешь, она, наверное, проводник,
Кто бы во что там не верил.
То беспокойным шёпотом, то на крик —
Главное этих звуков понять язык.
Тот, что смешался с нашими — растворён,
Слышится на пределе.
Кто не научится, тот обречён, и он
С неба не сможет вниз уносить огонь,
И бесконечной участью приговорён
К осени — высшей мере!

За дверью

Там, за прозрачной дверью, спрятались в темноте
Мысли, которым сложно на солнце выйти.
Время, как море, оно выбирает тех,
Кто в бесконечной бескрайности берег видит.
Лучшая скорость вяжется из узлов,
Что там за глыба следует нам по курсу?
Контуры левые жжёт аритмия слов
И отражается в частых раскатах пульса.
Вроде приём настроен — лови волну!
Нет на ковчеге страха и недоверия.
Только бы воздуха чистого взять, глотнуть,
Да невозможно, он прячется там, за дверью.

Адам и Ева

Тёмная комната... Ева включает бра,
Свет проникает через цветное стекло.
Лунный фонарь завершает ночной поклон,
Нашим героям скоро вставать пора.
Ева задумчиво смотрит в разрез окна,
И без неё никак в этот мир не войдут
Старых друзей, проверенных имена,
Мама, которая верит в её звезду.
Ева заглянет в яблоко-телефон,
В нём список дел, фотографии, этот стих,
Так наполняется жизнью сюжет и фон
Мира, который крутится вокруг них.
Только они в ответе за этот свет,
Только у них есть ключи от его тепла.
А за окном проглядывает силуэт
Доброй судьбы, что в комнате их свела.

Унисон

Снег с дождём в унисон,
Этот вечер рождён
На короткую жизнь,
А не годы.
От желаний моих,
Безнадёжно простых,
Непогода
Стоит, непогода.
Снова рвётся тетрадь,
И опять
Догонять
Ледяные осенние воды.
Тяжело находить,
А потом отпустить
На свободу,
На злую свободу.
И из тысяч путей
Выбирая ничей,
Мы идём, удаляясь от света.
Ведь для двух человек
Быть как дождь
И как снег...
В унисон,
Если кончилось лето.

Содержание

Осеннее	3
О вещах и струнах.....	4
Лодка.....	5
В мире животных	6
О правах и котах.....	7
Кружение	8
Богатырь	9
Цветочек	10
Мафусаил.....	11
Люди-бутерброды.....	12
Прогулка	14
«Прощай, это слово полярных границ...»	15
Дыхание Луны.....	16
Болезни Крыма	17
«В соседних комнатах так грустно...».....	18
Поход	19
Живое сердце	20
Пиши.....	21
Наш подъезд	22
«На рубеже столетия...».....	23
Новый Свет.....	24
Детское.....	25
Лёд	26
И было слово	27
Корабли.....	28
Катастрофа.....	30
Костёр.....	31

Содержание

Старик.....	32
Карась	33
Коршун над монастырским двором	34
Ошибки	35
Эффект отсутствия	36
Спокойной ночи	37
Валентинка.....	38
Снежные слёзы	39
Белая ворона.....	40
В деревне.....	41
Мегаполис	42
Дирижёр.....	44
«Пишет мало — четырнадцать дней в году...»	45
За пределами	46
На мансарде	47
Весенняя песня	48
Водопад	49
Сны	50
Построивший дом.....	52
И наступит день	53
Пишутся стихи.....	54
На берегу	55
О стеклянной посуде	56
Твоя книга	57
Высшая мера.....	58
За дверью.....	59
Адам и Ева.....	60
Унисон.....	61

Литературно-художественное издание

Александр Алексеевич Барвинок

О ВЕЩАХ И СТРУНАХ

Стихи

Компьютерная вёрстка — *Александр Громов*

Корректор — *Олеся Клипкива*

Издание подготовлено издательством
Самарской областной писательской организации
Адрес: 443001, г. Самара, ул. Самарская, 179,
телефон (846) 333-48-01; www.litsamara.com

Подписано в печать 19.11.2022. Формат издания 70x100/₃₂.
Объём 2,6 печ.л. Гарнитура Warnock Pro. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Тираж 100 экз.

Отпечатано в типографии АМИРИТ,
г. Саратов, ул. Чернышевского, 88У, тел.: +7-8452-24-85-33.